

науке вроде филологии или истории все это расписано. Стоит ли это делать, имеет ли это отношение к современной ситуации научного знания, в данном случае значения не имеет: оно работает таким образом. Чем более подробно расписана научная специальность, тем более научно она выглядит. О. В. Гавришина довольно точно сформулировала то, как я себе представлял взаимоотношение исторической культурологии и истории культуры. Для меня историческая культурология — взгляд на всю историю человечества с точки зрения культуры, а история культуры — то, что мне читали на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова: история страны, история царей, история тех и этих, а в конце — раздел «Культура» (как в газете: сначала спорт, потом культура, или наоборот). Отношение к культуре легко определить по тому, идет она до спорта или после. Если после, то ее дела плохи, а если до, то еще терпимо. Культура в истории культуры и воплощает подход: посмотрев все важное в истории, можно приступить к культуре. И этот подход имеет право на существование, потому что в традиционной типологии исторической науки культура стоит там. Там рассматриваются памятники материальной культуры, музеи и т. д., туда же можно включить верования и обычаи.

Историческая же культурология — это направление или совокупность направлений в исторической науке и составная часть культурологии. В ходе обсуждения выяснилось, что у разных людей разные представления на сей счет. На самом деле это вопросы договоренностей и конкретных обстоятельств существования науки. В своей работе по теории жанра я объяснял, что все искусство находится в жанровом пространстве. Допустим, сейчас жанра нет, а через 5, 10, 15 лет в каком-то уголке жанрового пространства вдруг начинают по нарастающей появляться произведения и возникает жанр (фэнтези, например). В науке происходит то же самое: вдруг возникают какие-то силовые поля и начинают появляться работы на неведомые ранее темы, что мы сейчас и наблюдаем.

Пелипенко Андрей Анатольевич

Если историческая культурология позиционирует себя как наука теоретическая и отделяет себя от эмпирической дискретности, то она прежде всего должна сместить акцент с исследования как такового на реконструкцию, т. е. поставить в центр задачу синтетической реконструкции социокультурной динамики. Целостный культурный феномен требует синтетического подхода, поэтому на демаркационных линиях зацикливаться не стоит — их следует стирать. При этом

возникает вопрос о методологии познавательных установок. Здесь я мог бы предложить одну из гносеологических моделей, а именно пирамиду из четырех уровней. Первый уровень исследования — это не факты, не единичные исследования, как в эмпирических науках, а *уровень когнитивных техник*. В наших дискуссиях проблема ментальности и вообще сопряжения психики и культурного сознания специально не обсуждалась. Мне кажется, на этот уровень следовало бы обратить внимание, потому что в культуре нет ничего, что не содержалось бы в ментальности. Итак, когнитивная техника: как человек мыслит, как он оперирует элементами построения смысловых структур и конструкций. Второй уровень, возникающий на основе этих когнитивных техник, — *уровень ментальных структур*, являющихся теми изначально имплицитными ментальными фигурами, которые, подобно невидимым силовым линиям, определяют следующий уровень — *уровень социально-культурных практик* в самом широком их понимании (как терминологическом, так и содержательном). Последний, четвертый уровень — это те самые *единичные, дискретные элементы*, которые мы видим на поверхности, пресловутые факты, события, феномены. В исследование возвращаются факты, но уже не в качестве локальных иллюстраций: они уже ассимилированы некими системными синтетическими представлениями о комплексном функционировании культуры как целостного феномена в той или иной исторической ситуации. Понятно, что такую модель легко провозгласить, но довольно трудно выполнить. Прежде всего она ставит психологический барьер: от реконструирующего сознания требуется позиция вненаходимости по отношению к реконструируемому. До какой степени, однако, сознание может погрузиться в изучаемый культурный и прежде всего ментальный контекст? Ведь реконструкция ментальности не может осуществляться на безопасном расстоянии, она требует глубокого погружения. А вот какая часть исследовательского «я» погружается, а какая остается на поверхности и наблюдает явление со стороны, — это проблема, требующая отдельного объяснения и специально разработанных методических процедур, которые не исчерпываются герменевтикой и интерпретацией.

Рейфман Борис Викторович

Я полагаю, что человек, занимающийся историей, должен отдавать себе отчет в той логике, из которой исходит его историческое повествование. Используя те или иные концепты, нужно отчетливо видеть в них себя самого, свою собственную субъективную позицию, не абсолю-